

Восточнославянские боги Киевской Руси: Стрибог (сопоставительный анализ данных славянской и балтийской мифологических систем)

Роландас Крегждис

In memoriam professoris Universitatis Udinensis

† Nikolai Mikhailovi

(1967 06 11 – 2010 05 25)

Sit tibi terra levis,
amice carissime!

The article deals with the topics of etymological analysis and brief nascency (consequently, hierarchical position in the Eastern Slavic pantheon) of Kiev Russia or the so-called Vladimir pantheon theonym Stribog which is mentioned in the most ancient and significant sources of Slavic mythology and religion (Nestor's chronicle transcriptions; epos Slovo o polku Igoreve).

На протяжении нескольких десятилетий XIX и XX вв. особого внимания славяноведов удостоилось изучение возникновения имён и функций (и соответственно иерархического положения в восточнославянском пантеоне) богов Киевской Руси или так называемых теонимов Владимирова пантеона (подробнее [и литературу] см. Pisani 1950, 60, 62 д.; Gimbutas 1967, 747, 752, 755; Brückner 1980, 163 и д.; Митрополит Ларіон 1994, 107 д.; Фаминцын 1995, 110; Войтович 2002, 510). Одним из них является *Стрибог*, имя которого упоминается в самых древних и значимых источниках по славянской мифологии и религии этого ареала: „и нача княжити володимерь въ киевѣ единѣ. и постави кумиры на холмѣ. внѣ двора теремнаго. перуна

древана. а главѹ его сребренѹ. а оусть златъ. и хърса дажьба¹. и стрнба¹. и смарьгла. и мокошь [и] жрахѹ имъ наричюще га в[ог]ы <...>“ (ПСРЛ I 79; ПСРЛ II 23, 41, 61 [ещё см. Топоров 1989, 28; Мартынов 1989, 66]).

К сожалению, функции Стрибога в Лаврентьевском и Ипатьевском списках хроники Нестора не обозначены. Некоторые доводы о возможном соотношении этого мифологического образа с божеством ветров, т.е. богом уранистическим, делаются, основываясь на данных другого источника по восточнославянской духовной и материальной культуре конца XII в. – *Слово о полку Игореве*: „се вѣтри, стривожи внѹци, вѣют с моря стрѣлами на хвабрыя плѣки игоревы“ (СПИ 14; Мартынов ук.соч. 71).

Очевидно, что ответ на вопрос о месте бога в восточнославянском пантеоне и его функциях может дать лишь лингвистический анализ теонима, поскольку значения имён богов почти всегда, так или иначе, соответствуют их функциям.

Здесь нет необходимости перечислять все работы по этимологии данного теонима и реконструкции функций бога – многие из них, выполненные до 1960 г., упоминаются в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера (ЭСРЯ III 777). Научная их ценность давно установлена и не нуждается в повторном анализе. В начале 90-тых XX в. опубликованы, вероятно, два последних исследования по выше упомянутой проблематике – студия В.Н. Топорова (1989, 23 т.д.) и статья В.В. Мартынова (1989, 61 т.д.). Эти две интереснейшие работы и станут краеугольным камнем здесь предлагаемого анализа по верификации выдвинутых новых гипотез возникновения имени и функций Стрибога.

Поскольку в выше упомянутом исследовании Топорова представлено новейшее открытие возможного происхождения имени этого восточнославянского бога, а в статье Мартынова, который опровергает истинность всех до сих пор опубликованных исследований по данному вопросу (Мартынов ук.соч. 72) – только критический обзор последних исследований данного вопроса, обсуждение этой проблематики необходимо начать именно с работы Топорова.

Топоров (1989, 39), опираясь на чисто формальном распределении имён богов в указанном отрывке летописного фрагмента Лаврентьевского списка, т.е. присутствии пунктуационных знаков между ними или их отсутствии, делает предположение о том, что обсуждаемый теоним можно соотносить с Симарглом, „<...> которого сопоставляют с Дивом (или даже Соловьем-разбойником)“, хотя раньше это божество сравнивал с богом солнца (см. Иванов, Топоров 1974, 21) [опираясь на гипотезу А. Брюкнера (см. Brückner ук.соч. 81, 160, 187)]. В то же время, предполагается и функциональная связь с Дажьбогом (Иванов, Топоров 1965, 18) – эта двусмысленность преобладает во всех описаниях Стрибога, предлагаемых на обзор Ивановым и Топоровым (СМ 515; СМ₁ 454; МС 503).

Он же (Топоров ук.соч. 41) высказал мнение по поводу пересмотра этимологии теонима в пользу гипотезы Р.О. Якобсона (Jakobson 1959, 19 д.), т.е. *стри-* <(imperat.) **stb̥rti* „простирает; распространяет“ ⇒ * „бог богатства“ (ещё см. Мартынов ук.соч. 72), а до того времени господствовавшую идею М. Вей (1958, 96 д.) о возведении

¹ Другие формы анализируемого теонима (напр., *Стрыбог*, *Стриба*, *Стрибо(в)* и др.) в данной статье не разбираются по причине их вторичного (и соответственного, позднего) происхождения (о причинах их возникновения подробнее см. Иванов, Топоров 1983, 181; ещё см. Митрополит Иларіон ук.соч. 108).

сл. *stri-* к И-Е **p₃tri-* (ещё см. 2 сноску) отвергает как несостоятельную. Топоров (1989, 42) придерживался мнения о возможном лексико-семантическом соответствии Стрибога с инд.-иран. гл. *star-/stir-* + *b(h)āga-* (**str̥n̥hi* + **bhāgám* „распространи долю, богатство“; **Bhāga-* + *str̥n̥āti* „Бхага (бог-распределитель) распространяет (долю, богатство)“ [главным аргументом такой гипотезы является сопоставительная семантическая связь между славянскими и индоиранскими лексическими соответствиями, т.е. др.перс. *baga* „бог“, др.инд. *bhāgaḥ* „счастье, благополучие, красота, любовь“, на взаимосвязь которых при анализе данного теонима весьма скептически отнёсся А. Брюкнер (Brückner ук.соч. 45, 164) и О.Н. Трубочёв (2003, 424)].

Мартынов (ук.соч. 73) постулирует мнение, что единственно правильной является иранская этимология имени Стрибог, предложенная Пирхеггером (Pirchegger 1944, 311 т.д.), т.е. этот теоним, по его мнению, можно возводить к иран. **srī-baya* „добрый бог“. К сожалению, принять такую точку зрения за правильную не приходится из-за формальной и весьма важной причины – отсутствия консонантного элемента *-t-* в иран. **srī-baya* (ср. похожую ошибку М. Гимбутене (Gimbutas ук.соч. 747), соотносившей теоним *Стрибог* с прасл. **srei-* „течь“). Очевидно, что такая гипотеза является образцом народной этимологии (подробнее см. Kregždys 2010, 51 д.), когда внимание исследователя концентрируется не на детальном морфологическом анализе слова, а на поиске омонимических соответствий в лексических сводах родственных языков, хотя весьма часто между таким способом установленными изоглоссами нет не только семантической, но и генетической связи (см. 8 сноску).

Идея Б.А. Рыбакова (о ней подробнее см. Войтович 2002, 510) о возможности возведения теонима *Стрибог* к русс. *стрий* (арх. *строй*, *стрый*) „отцовъ братъ, дядя по отцѣ“ (Даль IV 340) невозможна по двум причинам:

I. Такая теория построения морфологической структуры слова основана, придерживаясь принципов народной этимологии, т.е. из-за отсутствия структурного анализа данной формы [кроме сопоставления фонетически тождественных (омонимических) форм] были соотнесены две, совершенно разные по происхождению, лексические единицы. Детальный анализ морфотактической структуры теонима *Стрибог* (см. ниже) показал, что составные элементы имени этого бога принадлежат наидревнейшему лексическому слою индоевропейского праязыка (см. дальше), а русс. *стрий* (арх. *строй*, *стрый*) „отцовъ братъ, дядя по отцѣ“ представляет собой новшество русского языка – форма русс. *стрий* (арх. *строй*, *стрый*) в своём нынешнем морфофонетическом облике не является аутентичной (т.е. вторичной – противоположное мнение высказали Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов (см. 2 сноску)). Анализ данного слова необходимо начать с установления лексико-семантической группы, которой оно принадлежит, и возможных морфологических соответствий. Имена родства относятся к так называемой морфологически консервативной словообразовательной системе, которой присуща та же самая структурная модель, что и другим лексическим соответствиям И-Е языков данной семантической группы слов. Анализируемое слово, безусловно, отражает абстрагированную форму, поскольку разделяя его на структурные элементы, выделяется трёхконсонантный корень *стрp*² без составляющего гласного (а это невозможно, поскольку русский

² Гипотеза, построенная на возведении *-str-* к И-Е **-p^[h]t^[h]r-* // **p^[h]ht^[h]er-* (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 538, 765, 777, 791) является казуистической, т.е. недоказанной научными доводами.

не является семитским языком) и суфф. *-bj- (с ним было принято образовывать различные формы имён родства в старославянском, ср. с.сл. **братнѣ** „братство“ (nomen collect.) [< *brāt- +*-ij- +*-ā] (подробнее см. Хабургаев 1974, 198) > русс. *брáтия* „братство, товарищество, община и др.“ (Даль I 124). Значит, праформа данного слова рефлектирует более сложную морфологическую конструкцию, т.е. должна иметь больше составляющих структурных единиц, чем отражается нынешним её состоянием. Основываясь на лексическом материале, приводимом в словаре Вл. Даля, можно с уверенностью утверждать, что русс. *стрий* (арх. *строй*, *стрый*) соотносим [по морфологическому строению] с русс. *сестрия* „двуродная, двоюродная сестра“ и [по морфологическому строению и значению] с русс. *сестрина* „дочь сестры, племянница по сестрѣ“ (Даль IV 179). Эти два слова, с первого взгляда не имеющие ничего общего с анализируемым словом, являются субстратными формами, от которых произошли арх. *строй*, *стрый* (см. дальше). При анализе этого родового термина необходимо учесть и ещё один весьма важный факт для восстановления праформы данной лексемы, что в русском языке для обозначения сестры использовался **гипокористик** русс. диал. *ся* „сестра“ Тверь (Даль IV 383), но самое главное – русс. диал. *тятя* „отецъ, батюшка“ в диалектах так же означало „сестра“ Рязань (Даль IV 456), т.е. можно предположить, что из-за **семантической контаминации** русс. диал. *ся* „сестра“ ↔ русс. диал. *тятя* „отецъ, батюшка//сестра“, в языковой системе могло появиться **им.прилаг.** русс. **се(я)стриной* „принадлежащий отцу“ > **им.сущ.** русс. **се(я)стрина* „то, что принадлежит отцу“ (о суфф. *-in-ā см. Хабургаев ук.соч. 203 д.) [→ **им.сущ.** русс. *сестреницынь* „все, что ихъ, что лично имъ принадлежит“ (Даль IV 179) – производное с суфф. *-in- + *-ik- (а таком типе словообразования подробнее см. Хабургаев ук.соч. 201)] ⇔ **им.сущ.** русс. *(*ся*) *стр(ин)ой* „брат отца, дядя“ [из-за афезиса (его предопределило повторение связи с...с-, ср. лит. *overė* „белка“ = *voverė* „т.ж.“; англ. *aim* [aim] ← *I am* (Gaivenis, Keinys 1990, 12) и абсорбции суфф. -ин- (о таком фонетическом явлении подробнее см. Крегждис 2009, 281 [37 сноску]) → русс. (арх.) *строй* „т.ж.“. Происхождение русс. *стрий* „брат отца, дядя“ взаимосвязана с морфологическим развитием русс. (арх.) *строй* „т.ж.“, но оно гораздо проще: **им.сущ.** русс. **се(я)стрия* * „то, что принадлежит отцу“ (nomen collect.) [ср. с.сл. **братнѣ** „братство“ (nomen collect.)] → **им.сущ.** русс. **се(я)стрий* „брат отца, дядя“ [по аналогии с русс. *сестрия* „двуродная, двоюродная сестра“ и с изменением флексии женского рода *-ā на мужской -ь по аналогии с русс. *брáтнѣ* „ему [т.е. брату – Р.К.] принадлежащий, свойственный“ (Даль I 124)] → **им.сущ.** русс. *стрий* „т.ж.“ [с афезисом *се(я)*-].

II. Вторым препятствием соотношения данных лексем является семантическая интерпретация теонима, поскольку в пантеонах индоевропейских племён такой словообразный тип формирования имён богов отсутствует и это был бы единственный случай, когда одного из главных божеств племени называли бы „дядей“. В это трудно поверить и по той простой причине, что по всей вероятности теоним *Стрибог* представляет собой кальку имени древнегреческого бога бурь (см. дальше).

Основываясь на данном анализе, все попытки связать происхождение теонима *Стрибог* с русс. *стрий* (арх. *строй*, *стрый*) „отцовъ братъ, дядя по отцѣ“ должны расцениваться как необоснованные.

Имея в виду достаточно вескую критику Мартынова по поводу этимологических изысканий теонима *Стрибог*, можно выдвинуть ещё одну гипотезу о возможном происхождении имени данного бога, на этот раз возникновение словоформы проводя на основании внутреннего анализа (т.е. на уровне синхронного изучения данных славянских и им близких балтийских языков), а только потом проводя поиск возможных родственных лексем и мифологических соответствий на почве других И-Е языков (если это необходимо).

Решение вопроса установления возможных лексических соответствий теонима *Стрибог* в славянских языках необходимо начать с определения группы личных имён, к которой можно было бы соотнести данное слово – оно, конечно, принадлежит к подгруппе так называемых табуистических лексем (подробнее см. Kregždys 2006, 135 т.д.), т.е. именам богов, которых и сейчас, и в давние времена (ср. иудейское табу произношения имени Яхве (подробнее см. МС 633)) произносить было запрещено (ср. имя славянского бога грозы *Перун*, употребляемого в южнославянских языках: блг. *пеперуна*, *пеперуда*, *перперуда*, *преперуда* (МС 431); возможную переработку имени бога *Волос* по принципу **анаграммического распределения основы** слова, т.е. русс. *Соловей-разбойник* ↔ *Волос* [читать с права на лево, т.е. **сол-лов-* (ср. МС 496)]. Данное изменение структуры словоформы принято изъяснять как криптографическую запись (или произношения) эвфемизмов (Vußmann 2002, 205 д., 385). Чаще всего такие фономорфологические изменения отражаются в лексических примерах религиозного плана, а также в тех словах, которые имеют определённые соотношения с духовной или обрядовой сферой, и не важно, к какому периоду языкового развития их причисляют, ср. русс. *кума* „крёстная мать“ ↔ *мука* „т.ж.“, лит. *burti* „колдовать“ ↔ *urbti* „т.ж.“ (см. Gaivenis, Keinys ук.соч. 19), ещё ср. образец морфотактической транспозиции из-за табу русс. диал. *удагáнка* „ведьма“ (Колыма) (см. Власова 2008, 499) < **угаданка* ← гл. русс. *угадывать* „от(раз-)гадать, догадаться; узнать по тёмным признакам и др.“ (Даль IV 464 д.)³.

Значит, можно делать осторожное предположение о том, что анализируемый теоним рефлектирует метатезу морфологического характера, определённую фено-

³ Возможно, трансформация фонорморфологического плана отражена и в структуре другого имени божества пантеона Киевской Руси *Мкошь*, подробный лингвистический анализ которого представлен Вяч.Вс. Ивановым (1976, 268 т.д.), а позднее дополнен Ивановым и Топоровым (1983, 175 т.д.; ещё см. МС 367; СМ 363). Этому теониму древнеславянского пантеона будет посвящена отдельная работа, но тут необходимо упомянуть лишь одну деталь возможного происхождения имени и функциональной принадлежности данного божества – в словаре Даля приводится лексико-семантическое гнездо слов, не только идеально соответствующих изменениям формального плана, т.е. грамматического облика теонима и изменения субстратной формы, но также и иерархическому положению мифологемы (подробнее см. Власова ук.соч. 341 д.). Приняв гипотезу Иванова (основанную на предположении Фасмера (ЭСРЯ II 640): русс. *мокошá* „домовой в образе женщины с большой головой и длинными руками“ < им. прилаг. русс. *мокрый* „сырой, влажный, не сухой, промокший“) за истинную, т.е. возводить *Мкошь* к гл. ст.сл. **toknōti*, **močiti*, им. прилаг. **mokrъ* (Иванов, Топоров 1983, 189, 194) → русс. *мокнуть*, *мокáть* „про(на)мокать; быть обливаемым дождем, водою, влагою; лежать в водѣ“ (Даль II 340), осталось бы не выяснено не только значение теонима, но и очень важное звено изменения функций этого божества: „главное божество женской ипостаси Киевской Руси“ → „знахарка, колдунья“ [к тому же, женский образ божества, реконструкция которого основана лишь на догадках, является объектом коррекции, так как значение теонима и обрядовая традиция И-Е народов (также и славянских (!!!)) этого мифологического образа являются определяющими мотивами для восстановления его мужского облика]. На все эти вопросы уже давно ответил, сам этого не предполагая, великий русский лексикограф Вл. Даль.

меном табу: ст. русс. *Стри-богъ* ← [**С-тр-и-* ← **-ьтриС*] ← **Сирть-богъ* [? **анаграммическое распределение основы** с метатезой начального *С-* из-за отсутствия в восточнославянском фонотактической связки *ТРИС-* (связка *СТРИ-* в русском языке довольно широко употребляема: русс. *стри́ва* „конъ или городъ (въ играх)“; *стрикъ* „полоса, черта и др.“; *стрий* (арх. *строй, стрый*) „отцовъ братъ, дядя по отцѣ“ (Даль IV 340) (а нём см. выше)] ⇐ русс. (архаизм) *сирть* „водоворотъ, вирь, вырь, пучина, вѣдокрут“⁴ (Даль IV 188), т.е. первый компонент композита типа *karmadhāraya* (о таком виде словосложения в праславянском см. Хабургаев 1974, 192) отражает транспозицию компонентов радициального слога [тип морфотактической перестановки]. Такое предположение, конечно, нуждается в детальном обосновании и представлении этимологии русс. (архаизм) *сирть*, которая отсутствует в этимологических сводах славянских и др. И-Е языков (ср. Фасмер III 267; IEW; LEW...), хотя именно этот архаизм русского языка представляет собой лексический реликт особой важности – его прямые соответствия в балтийских языках [весьма древний лексический слой – гидронимы] остаются без надлежащего объяснения их происхождения (см. дальше).

Несомненно, русс. (арх.) *сирть* „водоворотъ, вирь, вырь, пучина, вѣдокрут“ соотносим (и по морфологическому [значит, и этимологическому], и по семантическому признакам) с: 1) им.сущ. русс. *струя́*, др.-русс. *струя*, ст.-сл. *строуѣа* „ῥόος“ ... словен. *strúja* „рукав реки, канал, течение, струя“ ~ лит. *sraujà* „течение“, лтш. *strauja* и др., гидр. фрак. *Страῦος* „название реки в стране вистонов“, д.в.н. *Strouia*, *Streua* и др. (см. Фасмер III 785); 2) русс. *стру́га* „глубокое место, лужа, остающаяся летом от почти пересыхающей речки“, др.-русс. *струга* „течение“, ст.-сл. *строуѣа* „ῥεῦμα“, словен. *strúga* „русло, рукав реки“ и др. < И-Е **sreu-* „течь“ + формант **-g-* ~ лтш. *straiņa* „низкое место, где можно провалиться“, *struga* „болото“, *strūgla* „струя воды“ (см. Фасмер III 783); 3) русс. *стру́мень* „ручей“, словен. *strūmen* „поток, рукав реки“ и др. < прасл. **strumy* ~ лит. *straumio* „поток, ручей“, лтш. *strāume* „течение“, гр. ῥεῦμα „поток, струя, течение“, фрак. *Струῖών*, др.-ирл. *srúaim* „поток“, др.-исл. *straumr* „поток, река“, др.-инд. *srávati* „течет“, гр. ῥέω „теку“, лит. *sravėti* „медленно течь“ и др. (см. Фасмер III 783 д.); 4) русс. *о́стров*, др.-русс. и ст.-слав. *островѣ* „ὄησος“, блг. *о́стров*, серб.-хорв. *о́стрво*, словен. *ostròv* и др. < прасл. **o-strovъ* „то, что обтекается, речной остров“ ~ лит. *sravà* „течение, кровотечение, менструация“, *prsrava* „ток воды“, лтш. *stràva* „течение“ и [с другой ступенью вокализма] лит. *srovė́*, *strovė́* „течение“ и др. (см. Фасмер III 165).

Камнем преткновения элиминации русс. (арх.) *сирть* из этимологических сводов славянских, да и всех других И-Е языков [см. выше], видимо, стало несоответствие радициальной структуры данной формы и выше приведённых примеров. Главным препятствием соотнесения всех этих слов в одно лексико-семантическое поле – до сих пор невыясненная морфологическая связь между И-Е **sreu-* „течь“ и ступенью *guṇa* И-Е **sej̥r-* „т.ж.“, реконструкцию которой определяет русс. (арх.)

⁴ Ср. значения русс. *вирь* „омут и водоворот, ямина подъ водой съ родниками или съ коловоротомъ быстраго течения; вѣдокрутъ, водовертъ, вырь, пучина, заверть, **вихорь**, сѣвдь, сувой, сулой, вѣротъ, кѣноворотъ, крутень, закрутень; вихорь, завой, завойка въ шерсти“ (Даль I 206).

Семантическую связь между анализируемым теонимом и названиями водяного пространства рефлектируют теофорные гидронимы Украины: *Стрий* р., *Стрибозька* р., *Стрибоже* озеро (ещё ср. топ. *Стригород*, *Стрибѣж* (Житомирская обл.) (см. Войтович ук.соч. 510).

сирть [\leftarrow прасл. **seir-* + суфф. **-t-* + тема (g.fem.) **-i-* (подробнее о семантической корреляции этих формантов см. Хабургаев ук.соч. 196)]. Последний из них с первого взгляда не соответствует принципам построения системы рядов И-Е аблаута и структуры корня времён И-Е праязыка (см. Семереньи 1980, 97 т.д., 148 д.). Придерживаясь теории Бенвениста (Benveniste 1984, 147 т.д.), она должна состоять из трёх элементов, хотя восстановление четырёхкомпонентного корня И-Е **seir-* предполагает не только анализируемый русс. (арх.) *сирть*, но и гидронимы лит. *Seirà* р. Срй, *Seirijai* оз., оба которых возводимы к прабалт. **seir-* „течь, струиться, капать“ (ср. Vanagas 1981, 294). Сразу нужно отметить, что упомянутые гидронимы до сих пор не имеют достоверной этимологии. Наиболее правдоподобное объяснение возникновения данных форм указал Я. Отрембски – он реконструирует И-Е **sei-* (Otrębski 1963, 27), с которой соотносит др.инд. *śīrā* „река, поток, течение“. Главным недостатком этой гипотезы, полностью опровергающим её истинность, является тот факт, что на территории Литвы употребляются гидронимы с корнем *ser-*, возводить которых к уже упомянутому И-Е **sei-* нельзя по той простой причине, что *-r-* не является суффиксом, а составляющим корня типа *guṇa*: [ё-ступени] лит. *Ser-ė* р. Пнд \leftarrow И-Е **ser-* „течь, струиться; проворно и интенсивно двигаться“ + суфф. **-ā-* [ср. лит. *garbė* „почёт“ (ē основ.), которое является более поздним преобразованием вместо лит. *garbà* „т.ж.“ (ā основ.) [\leftarrow **-ā-* – LEW 147] (ещё см. Kregždys 2008, 94; Kregždys 2010, 210, 217)] \leftarrow И-Е **ser-* „течь, струиться; проворно и интенсивно двигаться“ ~ [ё-ступени] лит. *Sar-ià* оз. и р. Швнч, лтш. *Sar-ija* р., топ. лит. *Sar-ai* лг. Шлчн, лтш. *Sar-upe* дрв. \leftarrow И-Е **sor-* „течь“ [\leftarrow гидр. *Sar(s)* (в Галиции), *Sora* (в Англии) (ср. Vanagas ук.соч. 291, 296)] \rightarrow др.-инд. *śī-sar-ti*, *sár-ati* „течь, спешить, торопиться, гнать, преследовать“ и др. (IEW 909 Д.)⁵.

К тому же, нужно отметить и тот факт, что этимология др.инд. *śīrā* „река, поток, течение“, по словам М. Майргофера (Mayrhofer III 477), является „problematisch“⁶. Дело в том, что Вакернагел и Дебруннер (Wackernagel, Debrunner 1896, 47), возводившие эту форму к И-Е **si-*, не представили убедительного объяснения о существовании трёх различных форм по степени аблаута [на уровне древнеиндийского, т.е. в синхронном плане] того же самого корня, т.е. др.инд. *śīrā* „река, поток, течение“, *sarā* „т.ж.“, *śīrā* „т.ж.“, что, к стати, не отвечает принципам архаичного (реликтового) образца формирования номинальных образований [корень + тематический суффикс *-a*] имён действия⁷ (*nomina actionis*) от так называемых вербальных

⁵ В восточно-балтийских языках употребляются глагольные формы с нулевой степенью корня: гл. лит. *sir-ėnti* „медленно кипеть, вариться, пузыриться, бежать маленькими шагами“, *ap-sir-ti* „окружать, оцеплять“, лтш. *sirti* „окружить, напасть“ (ср. Vanagas ук.соч. 299).

⁶ В Ригведе (I 174, 9; IV 19, 8; X 49, 9) др.инд. *śīrā* „река, поток, течение“ употребляется наряду с *śīrā* „т.ж.“, а в Атхарваведе – *sarā* „т.ж.“ (Mayrhofer т.ж.).

⁷ Важно подчеркнуть тот факт, что присутствие ударения на суффиксе имён действия этого типа, как заметил Т. Барроу (1976, 118), является вторичным, т.е. можно выдвинуть предположение, что именно изменение акцентного типа „ударение на пенульте (архаичная модель)“ \rightarrow „ударение на флексивном форманте (инновация)“ и было причиной появления нулевой степени др.инд. *śīrā* „река, поток, течение“, т.е. др.инд. *śīrā* \leftarrow др.инд. *śīrā* „т.ж.“ (ср. др.инд. *su-śīrā-* Wackernagel, Debrunner 1929–1930, 361). Совпадение двух морфологических типов во единый [nomen actionis (ударение на корне) \leftrightarrow nomen agentis (ударение на суффиксе)] и была причиной возникновения слабой степени nomen actionis др.инд. *śīrā*, поскольку оно рефлектирует наидревнейший тип апофонии И-Е праязыка, существовавший для разграничения двух семантических единиц того же самого корня – ударение падает на суффикс класса nomina agentia \leftrightarrow слабая степень корня, в то время как nomina actionis

форм перестановочного И-Е аблаута (*Schwebeablaut*) И-Е праязыковой системы, но инновационные преобразования, появившиеся на почве индоиранской языковой общности или ещё более позднего периода (см. 6 сноску). Значит, и в древнеиндийском, и в балтийском употребляются две лексические единицы ступени гуца И-Е **ser-* „течь, струиться; проворно и интенсивно двигаться“ и И-Е **sejr-* „т.ж.“.

Возвращаясь к проблеме восстановления четырёхкомпонентного корня И-Е **seir-* нужно отметить выше упомянутый тип образований вербальных форм вторичного или перестановочного И-Е аблаута (*Schwebeablaut*) И-Е праязыковой системы, который при формулировке структуры И-Е корня Бенвениста, является преобразованием **двухсложной основы** (подробнее см. Семереньи ук.соч. 150), значит – вторичным. Сразу нужно отметить, что данный термин традиционно используется для обозначения номинальных образований, а не глаголов. Интерпретация процесса суффиксации И-Е глагола до сих пор является задачей весьма заковыристой и обремененной сложностями словоизменения этой категории языка (ср. „Suffix *-ei/i-* <...> The historical development of all these forms is still unclear“ (Beekes 1995, 229)). Несмотря на все невыясненные нюансы построения суффиксальных глагольных форм, нужно иметь в виду главный фактор: „<...> образование именных и глагольных основ покоится в общем на одних и тех же принципах. Распространения глагольных корней – это в сущности инкорпорированные суффиксы <...>“ (Барроу ук.соч. 273). Эти замечания Барроу весьма значительные, поскольку определяют путь решения этимологического анализа выше перечисленных лексических единиц.

Можно с осторожностью выдвинуть предположение, что именно *Schwebeablaut*'ный тип морфологического строения глагольных форм (*nomina deverbativa*) русс. (арх.) *сирть* „водоворотъ, вирь, вырь, пучина, вóдокрут“, ст.-сл. *строуца* „рѣоос“, ст.-сл. *строу҃га*, ст.-слав. *островъ* и др. представлен не только в балтийских и славянских языках, но и древнеиндийском: И-Е **ser-* „течь, струиться; проворно и интенсивно двигаться“ (IEW 909) + суфф. И-Е **-eu-* (о нём см. Мейе ук.соч. 230)⁸ > им.прилаг. И-Е **seru-* (**soru-* // **sreu-* // **srũ-*) „текущий; как струя“ [ср. гл. И-Е

имеют ударение на корне ↔ **корень ступени гуца** (подробнее см. Мейе 1914, 227; Барроу ук.соч. 119, 274), ср. др.инд. *sárah* „озеро, пруд“. Значит, думать, что др.инд. *sírā* рефлектирует вторичное удлинение от др.инд. *sírā*, такое явление встречается в древнеиндийском языке (ср. др.инд. *madhúka-* „пчела; название дерева *Bassia latifolia*“ ~ др.инд. *madhuka-* „т.ж.“ (Kregždys 2009, 116; Крегждис 2009, 282 [42 сноску])), не приходится. Также в опровержении нуждается гипотеза Вакернагеля и Дебруннера (Wakernagel, Debrunner 1954, 29, 247), что появление нулевой ступени др.инд. *sírā* связано с деklinацией слова, т.е. **sír* (nom.sg.) → *sírā* (в косвенных падежах), поскольку ударение основ на -а- в языке Вед при склонении было **неподвижным** (Елизаренкова 1982, 224). Существование различных форм ступени гуца др.инд. *sará* „река, поток, течение“ и др.инд. *sírā* „т.ж.“ определяет восстановление двух глагольных единиц с той же самой ступенью чередования гуца И-Е **ser-* „течь“ и И-Е **sejr-* „т.ж.“. Одна из них – И-Е **sejr-* – без сомнения вторична, поскольку рефлектирует производную вербальную форму секундарного И-Е аблаута (*Schwebeablaut*) (см. дальше).

⁸ Ср. гл. И-Е **der-* // **dr-* „(ото)рвать“ + суфф. И-Е **-eu-* // **-ũ-* → гл. И-Е **dreu-* // **drũ-* „раскалывать способом раздиранья“ (PEŽ I 231) [можно делать осторожную предпосылку, что суть *Schwebeablaut*-ной перестановки состояла не только в изменении значения глагольной формы [оно приобрело видовой оттенок: „делать“ → „сделать“; „делать“ → „постоянно делать“], но в первую очередь она рефлектирует морфологизацию грамматической категории субстантива [т.е. глагол ⇔ субстантив], т.е. несмотря на категоричное утверждение Барроу (ук.соч. 274), что после *Schwebeablaut*-ной перестановки „Различие между этими двумя типами форм со ступенью гуца [т.е. **der-* ↔ **dreu-* – P.K.] не имеет никакого значения, когда речь идёт о значении корней или их спряжении: оно существенно лишь для именных

der-* „(ото)рвать“ > им.прилаг. И-Е **deru-* (doru-*/**dreu-*/**drū-*) „твёрдый, крепкий“ (подробнее см. Benveniste I 104 т.д.; PEŽ I 225)] ⇒ I. (*Schwebeablaut*) им.прилаг. И-Е **sreu-*/**srū-* „текущий“⁹ [такие формы, видимо, ещё в период И-Е праязыка или его расчленении на диалекты были субстантивированны [substantiva abstracta – И-Е **deru* (**doru-*/**dreu-*/**drū-*) „твёрдость, крепость“ (PEŽ т.ж.)], позднее к корню прибавлен формант И-Е *-ō- (g.masc.) (о нём подробнее см. Мейе ук.соч. 227 д.), ср. им.сущ. пралит. **srevas*/**sruvas* [> (с анаптикическим -t- и вторичным удлинением гласного под ударением – восточно-балтийская инновация) пралит. **strēvas*/**srūvas* > лит. *srūvis* „(крова) течение; русло реки“ (с -is < -as по аналогии с лит.диал. *upis* „река“ – подробнее см. Skardžius ук.соч. 54)], а позднее и И-Е *-ā (g.fem.) (см. Мейе ук.соч. 254; Mažiulis 1970, 306)] > 1a) им.прилаг. бл.-сл. **sreu-*/**sru-* „текущий“ > им.сущ. *kraujó-sruv-a* „кровоподтек“ [-v- в этом слове не является рефлексом суф. И-Е *-eu- (так, как эта форма рефлектирует нулевую степень корня), а фонетически обусловленной вставкой (эпентеза) во избежании хиатуса (подробнее см. Zinkevičius 1966, 189)] // им.сущ. бл.-сл. **srav-os* [< бл.-сл. **srōu-* (форма с чередованием **sreu-*/**srou-*), ср. им.сущ. пралит. **sravas* (см. дальше)]/**sru-* „текущий“ >

основ <...>“, такая формулировка нуждается в существенной коррекции, поскольку семантическая структура формы **dreu-* [*de natura* являющаяся адъективизационным производным], рефлектирует субстратное именное значение „раскалывать способом раздиранья“ [А (глагол) + Б (именной суффикс)] ⇒ В(АБ) (именная форма со значением **транзитивности**, которая у прилагательных именного типа является **интранзитивной**, ср. „делающий хорошо ≠ „хороший“]). Значит, гл. И-Е **dreu-*/**drū-* „раскалывать способом раздиранья“ рефлектирует именную перестановку *Schwebeablaut*-ного типа [это очевидно по причине присутствия в данной лексеме именного оттенка семемы „раскалывать способом раздиранья“, т.е. „раскалывать **раздирающе**“, а не „раскалывать“ (!!!)]. Из-за присутствия в таких именных образованиях семантического оттенка глагольной формы, они переходили в разряд deadъективных глаголов, т.е. В(АБ) ⇒ ГВ. Игнорирование морфотактической ступени В(АБ) часто приводит к искажению морфологической структуры языка и тем самым к алогическим рассуждениям по поводу происхождения слов (даже на синхронном уровне), ср. интерпретацию глагольных форм литовского языка: 1) попытка Фрэнкеля (LEW 433) соотнести гл. лит. *apmĩlvinti* „durch Bitten besänftigen“, лит.диал. *apmĩlvinti*, *mĩlvinti* „умолить обещаниями“ (LKŽ) [< гл. лит. диал. *mĩlvinti*, *mĩlvinti* „умолить обещаниями, предоставить надежду“] с гл. лит. *maldyti* „упрашивать“ потерпела полное фиаско, поскольку гл. лит. *mĩlvinti* „умолить обещаниями“ является не производным от гл. лит. *maldyti*, т.е. он должен расцениваться не как унаследованная форма [т.е. балтийская], а соотносим с гл. лит. *mĩlvinti* „приручать [т.е. уговаривать, умолять]“ ~ *malvyti* „т.ж.“ ~ *apsimalvinti* „т.ж.“ (LKŽ) [*mil-* < *mal-* регрессивная ассимиляция], а последний является заимствованием – **славянизмом**, ср. русс. гл. *молвить*, *мóлвливать* „баить [вабить, **манить (обещаниями)**], обольщать (Даль I 39, 159)]; говорить, сказывать“ (Даль II 340 д.); гл. русс. *молить*, *мóливать* „просить смиренно, покорно, усердно, просить, выпрашивать“ (Даль II 341 д.); 2) гипотеза Ё. Вибурите (Viburytė 2007, 60), а том, что гл. лит. *burlióti* „есть расплёскивая, пачкать“ (LKŽ) соотносим с им.сущ. лит. *būrlas* „грязь“, является несостоятельной по той простой причине, что денотатная корреляция данной лексемы рефлектирует не референт „грязь“, а „рот, пасть“ [~ гл. лит. диал. *buřlyti* „шарить (месить) **мордой** (пойло)“ и др. (больше примеров см. в LKŽ)], т.е. эта глагольная форма восходит к гл. лит. **bur-na-lioti* „т.ж.“ [деноминативу (!!!) – ср. им. сущ. лит. *burnà* „**рот, морда, пасть**“ Kregždys 2010, 103 д.], а возникновение суф. *-la-* легко можно объяснить присутствием пейоративного оттенка [ср. „шарить (месить) **мордой** (пойло)“ → „пачкаться“ → „грязнуля“], присушего для его дериватов, ср. им. сущ. лит. *vėp-la* „разиня“, лит.диал. *pamp-là* „маленький пузатый человек“, лит. диал. *rióg-la* „человек высокого роста, неуклюжий“ и др. (больше примеров см. Skardžius 1996, 164).

⁹ Возможность восстановления номинальных форм им.прилаг. бл.-сл. **sreu-*/**sru-* „текущий“ можно аргументировать им. прилаг. бл.-сл. **šalu-* „серый, желтоватого цвета“ (подробнее см. PEŽ IV 49 д.), хотя такие формы чаще употребляются, основывая реконструкцию субстантивов, ср. им.сущ. И-Е **kreu(s)* „сырое кровавое мясо“ > им.сущ. бл.-сл. **kreus* „т.ж.“ [> сл.**krūs* „кровь“]/**kruv-* „т.ж.“ → **krъvъ* „кровь“ ↔ бл. **kru* „свернувшаяся кровь“ (PEŽ II 264 д.).

лит. лит. *sravà* „течение, кровотечение, менструация“, *prsrava* „ток воды“ [форма рефлектирует нулевую ступень корня, а суффикса – *guṇa*, т.е. бл. **srōu-*]; прасл. **ostrovъ* [с *-ov-* < *-ū-* в интервокальной позиции] „то, что обтекается, речной остров“ > русс. *остров*, др.-русск. и ст.-слав. *островъ* „νήσος“, блг. *остров*, серб.-хорв. *острво*, словен. *ostròv* и др.; 16) [с анаптикическим *-t-*] им.сущ. бл.-сл. **stra-/stru-* „т.ж.“ > лтш. *strava* „течение“ и [с другой ступенью вокализма] лит. *rovė, strovė* „поток, течение“ [с переходом *-ė* < *-ā* (см. выше)], лтш. *strāva* „т.ж.“ и др. (см. Фасмер III 165); 1в) [деадъектив] гл. бл.-сл. **srau-/sru-* „быть текущим“ [ср. им.прил. И-Е **trés-* „боящийся; тот, кто боится“ (< И-Е **ter-* + суфф. **-es-*)] [> др.инд. *tr-ás-ati* „дрожать, бояться“] ↔ И-Е **tér-s* „страх“ [> лат. *ter-r-eo* „пугать, устрашать“] (Барроу ук.соч. 274) > гл. лит. *sravėti* „медленно течь“, *srūti* „течь струёй“ и др. ≈ др.-инд. *sr-áv-ati* „течет“ [др.-инд. *sr-u-tí-* „дорога, путь“], гр. *ρέω* „теку“ (ещё см. Karaliūnas 1973, 40 д.; Frisk 1970, 650; IEW 1003); // [с анаптикическим *-t-*] гл. лтш. *nūo-strav-ēt* „течь, (вы-, с-)текать“; II. им.прилаг. И-Е **ser-ṷ-ō-* „т.ж.“ (с тематическим И-Е **-ō-* (см. Мейе ук.соч. 228 д.) – необходимо учесть то обстоятельство, что *-ṷ-* данной формы должен рассматриваться как нулевая ступень распространения суфф. И-Е **-eu-* (подробнее см. Барроу ук.соч. 274), что отражает наидревнейший тип построения лексических форм именной и глагольной систем И-Е праязыка – процесс тематизации этого форманта (суфф. И-Е **-eu-* [guṇa ступень] > И-Е **-ṷ-* [нулевая ступень] + тематический И-Е **-ō-* > И-Е **-ṷō-*) чётко прослеживается в восточно-балтийских языках, ср. лит. диал. *tévas* „тонкий“, лтш. *tiévs* „т.ж.“ < **ten-v-as* [~ гл. лит. *ten-ėti* „густеть“] (Skardžius ук.соч. 376 д.) > им.сущ. лит. *seř-v-as* „текущая жидкость“ > I. лит. *Seř-v-as* оз. Варн, *Ser-v-ěl-is* оз. Брс, *Sár-v-a* р. Грнк [ō-ступени (см. выше)] (см. Karaliūnas ук.соч. 41) [> деноминатив] гл. лит. *ser-v-énti* „струиться, медленно течь“ (LKŽK).

Гипотезу о возможной реконструкции выше приведённых имён прилагательных им.прилаг. бл.-сл. **sreu-/sru-* „текущий“ и др. [← вторичные новообразования Schwebeablaut'ного им.прилаг. И-Е **sreṷ-/sru-* „текущий“] подтверждает ещё в 1943 г. Скарджюсом (Skardžius ук.соч. 63) выдвинутая догадка, что **первичные девербативы** – такие, как им.прилаг. бл.-сл. **srau-* [< бл.-сл. **srōu-*]/**sru-* „текущий“ – **со временем были субстантивированы**¹⁰, ср. его реконструированный им.сущ. пралит. **sravas* (~ лит. *pra-sravas* „не замерзшее место на льду; прогалина; Blänke“, лит. *sravà* „течение, кровотечение, менструация“, *prsrava* „ток воды“), который был базой для происхождения им.прилаг. лит. *sraūjas* „быстрый, стремительный“ SD 22, Дс. Из этой субстантивированной формы с различными суффиксами, при помощи которых, как правило, прилагательные и отвлечённые имена образовывались от имён (!!) (см. Мейе ук.соч. 231 т.д.; Барроу ук.соч. 175), могли быть образованы производные формы с суфф. И-Е **-(i)jō-* > им.сущ. прусс. *stroio* „hals oder (Halsader)“ E 101 [← прусс. **stru-jā* * „кровотечение“ (Мажюлис интерпретирует эту форму как девербатив (PEŽ IV 161), хотя такая формулировка не только противоречит теории Мейе (ук.соч. 231 д.) и гипотезе Скарджюса, но и трактовке прусских имён с суфф. *-jō-*, предложенной самим Мажюлисом [видимо, автор последней гипотезы перепутал модели формирования производных имён лексического пласта И-Е

¹⁰ Реконструкция и-основ для балто-славянского (ср. бл.-сл. **gīrnū* „жёрнов“ (PEŽ I 371 д.)) праязыка до сих пор остаётся одной из нерешённых проблем не только баллистики и славяноведения, но и индоевропеистики (подробнее [и литер.] см. Kregždys 2009, 122).

п्राय्याका (с суф. -*iō*- только от *nomina substantiva*) и поздних deverбатов, возникших уже на почве литовского языка (!!!) (подробнее см. Skardžius ук.соч. 63 д.), ср. бл. **krauja-* „свойственный для *rohes Fleisch*“ < им.сущ. **kravis* „rohes Fleisch“]; лит. *srau-jà/sru-jà* „течение, поток“, лтш. *strauja* ~ русс. *стру-я*, др.-русс. *стру-я*, ст.-сл. **строу-ѣ** „*ῥόος*“ ... словен. *strū-ja* „рукав реки, канал, течение, струя“ и др. Основываясь на этих данных, необходимо пересмотреть не только морфологический (значит, и этимологический) анализ прусс. *stroio* „hals oder (Halsader)“ E 103, но и прусс. *crauyo* „blut (Blut)“ E 160 (PEŽ II 262 т.д.).

Наличие Schwebelaute в языковой системе языка предопределило появление новых [секундарных] лексических образований ступени гуца [рядом с Schwebelaute формами нулевой степени (см. 7 сноску), ещё ср. И-Е **dieu-* „небо“ → И-Е **diu-* „т.ж.“ → И-Е **deiwo-* „небесный, бог“ (подробнее см. Семереньки ук.соч. 150)] и в системе глагола, ср. гр. *τείνω* „тянуть“ < **τεν-ι-ω* < И-Е **ten-ι-oh₃*¹¹. По той же самой модели в И-Е праязыке (или в отдельных его диалектах) могла появиться и группа лексем секундарного строения, означающих „поток, течение, торопливый ход, вихрь и т.п.“: И-Е **ser-* + суф. И-Е **-i-* (о нём подробнее см. Мейе ук.соч. 180 д.) → И-Е **seir-* (при стыке двух сонантов [известно, что И-Е корень никогда не содержал более двух согласных и одного гласного в ступени гуца (см. Барроу ук.соч. 274)] произошла дефонологизация сонорного *i* > *i*) → И-Е **seir-* [< **seir-*] „течь, струиться; проворно и интенсивно двигаться“ → им. прилаг. И-Е **seir-* „текущий, как струя“ [> им.прилаг. бл.-сл. **seir-* „т.ж.“ > им.сущ. бл. **seir-* + суф. **(i)ō-* [формирование отвлечённого имени от имени (см. выше)] → им.сущ. лтш. *seiris* „бездеятельный человек“ (LVV III 813; ещё см. Endzelynas 1957, 109) – переход глагола в номинальный тип предопределила новая структура формы и конечный *-r*, который, и до того воспринимавшийся как формант именной, при изменении фонетического состава корня предопределил возникновение мены морфологических типов имени и глагола – это весьма архаичная модель распределения категориальных признаков частей речи И-Е праязыка (!!!) (подробнее см. Барроу ук.соч. 274)] + **-ā-* [**-t-* и другие форманты] > лит. *Seir-à* p. Срй; русс. (арх.) *сир-ть* „водоворотъ, вирь, вырь, пучина, водокрут“, др.инд. *sīr-ā* „река, поток, течение“ [~ (нулевая ступень) д.инд. *sirā//sīrā* < (ступень гуца) д.инд. **serā* < (ступень гуца) праинд. **seirā* (ещё см. Елизаренкова 1974, 12 д. [ещё см. 7 сноску])] и др., т.е. с.русс. *сирть* „поток воды“ < сл. **sirtb* „т.ж.“ [ср. с.сл. *нитъ* „нить“ ~ д.в.н. *nāu* „шью“ < И-Е **nēiō* (Skardžius ук.соч. 327)] < прасл. **seir-ti-* „т.ж.“.

¹¹ К сожалению, правила Schwebelaute изменений исследователями по балтийской морфологии и этимологии, как правило, или не применяются, или неправильно истолковываются – Каралюнас (ук.соч. 40 д.) изъясняет суть Schwebelaute как расширение единицы слова (той же самой теории придерживается и Э. Фрэнкель (см. LEW 889): „idg. Wz. **sreu-* ist *eu*-Erweiterung von **ser-*), хотя по истине оно представляет перестановку морфемной структуры слова (!!!). Это привело к тому, что часть надревнейших словообразовательных форм до сих пор не имеют правдоподобных этимологических описей, ср. гл. прусс. *teikut* „schaffen“ III 1052 [6521] < **teikūtvei* (PEŽ IV 189), чей анализ Мажюлис (PEŽ т.ж.) заканчивает сравнением их с лит. *teikti* „(пре)доставлять“, *tiēkti* „т.ж.“, *tikti* и выражением скорной вести о том, что история этих слов (надревнейшего этапа) очень сложна и не ясна, хотя и не вооружённым глазом видно, что корень прусс. **teik-* соотносим не только с перечисленными глаголами, но и с им.сущ. лтш. *teika* „предание“, а изначальной формой всех этих лексических образований является бл. **tek-* (> лит. *tēkti* „достаться“) – все же выше упомянуты формы рефлектируют Schwebelaute изменение бл. **tek-* + суф. **-i-* > бл. **teik-* > прусс. **teik-* (семантическое развитие – кстати, не составляющее особенной трудности – тема отдельного исследования).

Весьма интересный факт представляет новшество балтийских и славянских языков, когда из-за **контаминации** двух глагольных типов – гл. И-Е **ser-* „течь, струиться; проворно и интенсивно двигаться“ → им.прилаг. И-Е **sreŭ-/sru-* „текущий“ // им.прилаг. И-Е **ser-ŭ-ō-* „т.ж.“ ↑↑ гл. И-Е **seir-* [< **sejř-*] „течь, струиться; проворно и интенсивно двигаться“ → им.прилаг. И-Е **seir-* „текущий; как струя“ **возникло** [т.е. *-r-* > *-ŭ-* /*v/*] им.прилаг. бл.-сл. **seiŭ-* т.ж. [< **sejŭ-*] > *seiv-* „т.ж.“ + **-ā-* > лит. *Sėiv-ŭ ēžeras* оз. Пнс, 1559 г. *Sejvy* оз., топ. *Sėivos* дрв. ↔ *Sáivos* лг. и л. Срй (диалектизм с изменением лит. *-ei-* > *-ai-*), полск. *Sejwy* оз. (ср. Vanagas ук.соч. 294)¹². Основываясь на данной гипотезе, можно отклонить мало правдоподобное предположение К.-О. Фалка (см. Vanagas т.ж.) о связи лит. *Sėivŭ ēžeras* оз. с им.сущ. лит. *šėivà* „деревянная тонкая катушка ниток в челноке“.

Тут необходимо указать ещё **весьма важный** факт варьирования И-Е **seir-*, т.е. генетическую связь этого корня с вторичным вариантом И-Е **seil-* „течь, струиться; проворно и интенсивно двигаться“ [с переходом **-r-* > **-l-*] – этот феномен можно связывать с весьма часто устанавливаемым употреблением дуплетных суффиксов с выше указанной меной сонантов уже на почве И-Е праязыка, ср. И-Е суфф. **-ter-/tel-* (примеры см. Мейе ук.соч. 241), **-tro-/tlo-* и **-dhro-/dhlo-* (Мейе ук.соч. 242), т.е. этот процесс соотносим с действием аналогии. До сих пор одной из нерешённых проблем по балто-славянской [значит, и индоевропейской] теории морфологического строения слова [значит, и этимологии] представляет выяснение морфологической структуры лексем корня бл.-сл. **seil-* → бл.-сл. **seil-ā* [> прасл. **sila* > др.-русс., ст.-слав. **сила** „δύναμις, ἰσχύς“; блг. *сѹла*, с.-хрв. *сѹла*, словен. *sila*, ч. *síla*, русс. *сила*; прусс. *seilin* „fleiß (Fleiß)“ III 115₁₉ [71₂₉] ~ прусс. *noseilis* „Geyst (Geist)“ III 79₆ [51₁₃]; лит. *seilas* „обруч ведра“ Ndž, Graž, Vrb, Rdm, Krsn, Lzd, Lp, Vs, Rod; L 42, Asv, Rūd, Vrn, Dbč, Pls, Pjv, Zr (LKŽ) ↔ **seilā* „жидкость железа, производимая в полости рта или морды для увлажнения пищи“ > лит. диал. *seilos* (pl.) „т.ж.“ Šlčn ~ лит. *sėilė* (-ė) „т.ж.“ K, Dž, OG 235, Ds, Dgč, Ktk, Ml, Dsn, Q 210, SD 341, R, Mž 217, N, M, Sut, LL 228, Rtr, Grv, Prng, Dgč, Ml, J.Avyž и др. (LKŽ) ↔ лит. *síela* „душа, совесть, жизнь и др.“ (ср. Фасмер III 621; PEŽ III 197 д., IV 92 д.), которая, как отмечает Мажюлис (PEŽ IV 93), является **неясной** (ср. Trautmann 1923, 253; LEW 781 д. [одним из факторов непрозрачности этимологизации данной группы слов является отсутствие установления морфологических и семантических соответствий между восточно-балтийскими языками – не приводятся

¹² Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что акутовые формы литовских лексем не обязательно нужно возводить к И-Е **sē(i)-*, **sai-* (*sai-*) „капать, течь, струиться“, т.е. И-Е **seh₁(i)-*, **sh₁ei-* (*sai-*) „т.ж.“ (см. LEW 790; Vanagas ук.соч. 294; Karulis II 190 [в словаре Карулиса в одно лексико-семантическое гнездо соотнесены разные по значению и происхождению слова: лтш. *sīvs* „острый, резкий“ ≠ лтш. *sīvs*, *sīva*, *sīve* „жижа“ (см. дальше)), поскольку к этому гнезду причисляемый гот. *saiws* „море“, видимо, представляет собой новообразование Schwebelauteiной формы И-Е **sōjŭ-* „течь, струиться; проворно и интенсивно двигаться“ < И-Е **sor-* „т.ж.“ (см. выше) – т.е. не обязательно нужно гот. *-ai-* возводить к И-Е **ēi*, так как он мог произойти и от И-Е **oi* (подробнее см. Beekes ук.соч. 140 д.), а для формирования акцентной парадигмы упомянутых гидронимов и топонимов Литвы, т.е. перехода циркумфлексной слабой базы в акутовую, главным образом влияние мог оказать флексивный формант коллективных образований **-ā* (подробнее см. Kregždys 2005, 14 д., 24, 2009, 138 д., 155; 2010, 29 т.д.). К этому же самому лексическому гнезду причисляемый им.сущ. лит. *sývai* „сок растения, желудочный сок“, лтш. *sīve*, *sīvs* „т.ж.“ рефлектирует переход пралит. **ei* > лит. *ē* > лит. *ie* > лит. диал. *ī* [о лит. *ie* > лит. диал. у см. Grinaveckienė 1957, 122; Zinkevičius ук.соч. 85], ср. лит. диал. *vudrà* „бура“ Жгн, *výdra* (LKŽ) [→ лит.диал. *vidras*, *vidrà* „т.ж.“ Вдк, Рс (с *-y-* > *-i-* (в безударной позиции!))] < **viedrà* „т.ж.“ < пралит. **veidrà* „т.ж.“ [→ **vēdrā* (промежуточная форма) (Kregždys 2010, 263 т.д.)].

примеры из латышского, ср. замечание Фрэнкеля (LEW 782)). Суть решения проблемы этимологии бл.-сл. **seilā* состоит в морфологической интерпретации лексической единицы, которая до сих пор изъясняется, как изолированная – это предопределено невыясненным семантическим развитием лексем (!!). Дело в том, что выше упомянутые слова определяют восстановление праформы И-Е **sē(i)-l-* (придерживаясь традиционной теории строения И-Е основы лексемы, т.е. трехэлементный корень + суффикс (см. выше)), применение которой для выше перечисленных слов **невозможно** по той простой причине, что суфф. И-Е **-lo-* „служить только распространением того слова, от которого онъ образуетъ производное“ или „образовывалъ имена дѣйствующихъ лицъ (*nomina agentis*)“ и „уменьшительные имена“ (Мейе ук.соч. 236 д.). Первый тип словообразовательной модели с суфф. И-Е **-lo-* для объяснения происхождения И-Е **sē(i)-l-* недостаточен в лексических соответствиях (четырёхчленный корень противоречит и установленной Бенвенистом модели формирования И-Е корня), а два последних – из-за семантического несоответствия, т.е. „сила“ (*nomen acti*) не является именем деятеля [прусс. *noseilis* „Geyst (Geist)“ (*nomen agentis* !!!) представляет, как правильно заметил Мажюлис (PEŽ III 199), семантическую инновацию (возникшую не раньше 13 в. (!!!) (PEŽ т.ж.) из-за расширения морфологической структуры слова при помощи префикса прусс. **nō-*, т.е. прусс. **nōseilis* „тот, который обладает сверхъестественными свойствами“] и тем более диминутивом.

Неясная семантическая цепь между лексемами предопределила элиминацию из лексико-семантического гнезда и двух групп слов [также не имеющих правдоподобной этимологии (!!!) (ср. Фасмер III 672, 681)] **того же происхождения**, т.е. русс. *слі́на* „слюна“, укр. *слі́на*, с.-цсл. *слина* „т.ж.“, блг. *слі́на*, с.-хрв. *сли́на*, словен. *slína* и др. [< прасл. **slina*] ~ лтш. *sliēnas* „слиони, густая слизь“, др.-исл. *slím* „слизь“, лтш. *sliēnas* (nom.pl. fem.) „слюна“ // русс. *слюна́*, блг. *слю́на*, первая группа предопределяет восстановление формы бл.-сл. **sleinā* [< И-Е **slej-nā* ← И-Е **slej-// *slj-* < И-Е **sel-i-*], а вторая – прасл. **sl'u-nā* [< И-Е **sleu-nā*]. Имея в виду выше оговоренный тип строения морфологических единиц с Schwebelaub'ными формами нулевой степени и очевидную их рефлексю в перечисленных словах, можно с уверенностью утверждать, что все эти лексемы происходят от одного и того же И-Е **ser-* „течь, струиться; проворно и интенсивно двигаться“, т.е. И-Е **ser-* [> И-Е **sreu-/*sru-* > бл.-сл. **srau-/*sru-* ↔ **strau-/*stru-*] → I. И-Е **sejr-* „т.ж.“; II. И-Е **sejū-* „т.ж.“ > бл. **seiv-* „т.ж.“. По той же самой модели возникла и гл. И-Е **sel-* „т.ж.“ [с переходом **-r* > **-l-* (см. выше)] → I. гл. И-Е **seil-* „т.ж.“ (модель Schwebelaub'ного типа, т.е. И-Е **sel-* + суфф. **-i-* > **seil-*) > гл. бл.-сл. **seil-* „т.ж.“ + **-ā* (подробнее см. Мейе ук.соч. 228) > им. сущ. бл.-сл. **seil-ā* „то, что течёт, струится“ > прасл. **sila* > др.-русс., ст.-слав. **сила** „δύναμις, ἰσχύς“ и др. // прусс. *seilin* „fleiß (Fleiß)“ III 115₁₉ [71₂₉] и др., лит. *siela* „душа, совесть, жизнь“ (с переходом лит. *-ei-* > *é* > *-ie-*), ср. гидр. лит. *Sél-iupis*, *Sél-iupys* р. Дгл., Пн, лтш. *Sēlīte* р. (этимология этих гидронимов до сих пор оставалось совсем неясной, см. Vanagas ук.соч. 295) и др.; II. гл. И-Е **sel-* „т.ж.“ + суфф. **-eū-* > им.прилаг. И-Е **sleu-// *slū-* „точающийся, струящийся; проворно и интенсивно двигающийся“, а рядом и его вариант им.сущ. (< им.прилаг.) И-Е **slej-* „поток, течение“ [контаминация¹³ Schwebelaub'ных основ на *-ū* и *-j* по аналогии с И-Е

¹³ Такой морфологический процесс можно аргументировать образовательной моделью производных со значением „слеза“, которые, кстати, до сих пор остаются без ясной этимологии (ср. Фасмер III 668): прасл. **sli-g-ā* „слеза“ > сл. *слъза* (соотношение *-ъ* ↔ *-e-* нельзя объяснять положением ударности слога

**slei-* // **slj-* и И-Е **sleu-* // **slū-* (см. выше)] > им.прилаг. И-Е **slei-nō-* „текущий“ (с суфф. И-Е *-*nō-* (см. Мейе ук.соч. 233) → И-Е **slei-nā* „слизь“, т.е. „то, что течёт“ (nomen actionis – см. Мейе ук.соч. 234) [эта форма, безусловно, рефлегирует тип nomen collectivum – поэтому и акутированная лтш. *sliēnas*, с.-хрв. *слйна*]].

Возникновение семем „сила“, „мощь“ и подобных, видимо, связано с обрядовой традицией индоевропейцев и понятиями религиозного плана – „силою“ по верованиям наших предков и являлась „**кровь** (жидкость человеческого или тела животного)“ [ср. прусс. *stroio* „hals oder (Halsader)“ Е 101 [← прусс. **strujā* *, „**кровотечение**“ (PEŽ IV 161); лит. *srūvis* „(крова)течение“] – это связано и с наидревнейшими верованиями индоевропейцев, ср. обряд питья крови животного [может и человека] и восприятия этого как приобретения силы, чью кровь пьют, т.е. „жизненной силы/духа“, ср. реконструированные обряды Микенской Эллады и причины возникновения сосуда, употреблённого для жертвоприношений, **ритона** (в форме **головы животного или человека** (подробнее см. СА 496))¹⁴.

Заканчивая морфологический анализ теонима *Стрибог*, можно выдвинуть осторожное предположение, что словоформа типа *karmadhāraya* была образована по образу греческой модели формирования композитов старославянского периода (подробнее см. Хабургаев ук.соч. 206 д.), т.е. её можно истолковывать как древнегреческую кальку имени бога зимних ветров **Μαριάκτης Ζεῦς** (ещё см. Нильссон 1998, 11), что подтверждает догадку Рыбакова (1981, 432, 603) о трактовке этого теонима как эпитета верховного божества (возможно, Перуна¹⁵), а такое решение проблемы соответствовало бы информации сообщения Прокопия (первая половина VI в.) о восхвалении славянами главного (и единого, кому они поклонялись) божества грозы (подробнее см. Brückner 1980, 46) [ср. противоположное мнение Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова (1984, 798 д.)].

Идентичные мифологемы (по семантическому признаку (!!!), т.е. „бурление воды“ ↔ „быстрое течение [т.е. вода бурлит]“ ↔ „буря“ ↔ „ветер“ ↔ „вихрь“ ⇔ „бог ветров, бурь“) присущи и для религиозной системы балтийцев, ср. в *Ятвяжской книжке* (подробнее об этом источнике см. Kregždys 2009, 174 т.д.) упоминающиеся три варианта имени бога ветров и бурь прусс. *Bardoayts*, *Gardoyts*, *Perdoyts* [о последнем ещё см. SRL 176 д.] ← прусс. **bara-* „буйство; бурление, кипение, прение“ // прусс. **gara-* „жара; пар“ // прусс. **pāra-* „пар“ + гл. *-dāi-* 3 sg. praet. (aor.) „дал“¹⁶ (см.

(ср. Хабургаев ук.соч. 120), поскольку оно предопределено количественным чередованием **-i-* (< **-ei-*) ↔ **-ē-* ↔ **-ě-*, т.е. **slei-* > **slī-* ↔ **slē-* ↔ **slĕ-* [по образу глагольных корней, таким образом передающих семантический оттенок длительности и краткости действия – подробнее см. Хабургаев ук.соч. 118)] > русс. *слён, слень* „слизь на рыбѣ“ (Даль IV 221); „твердая слизь, которой рыба покрывается на зиму“ (Фасмер III 669)] + суфф. **-g-* (о нём подробнее см. Барроу ук.соч. 121) > русс. *слеза*, ст.слав. *слъза* „δάκρυον, θρόνος“; русс. *слиз* „рыба Blennius, из породы угрей“ (см. Фасмер III 671); русс. *слизь*, блг. *сли́за* „слюна“ и др. (см. Фасмер III 671 д.) // прасл. **slu-z-* „слеза“ > пл. *lza* „т.ж.“ (Brückner 1957, 316), блг. *слъза* (с перестановкой корневой морфемы **слъза* (ср. Фасмер III 668) ~ лит. *slūgis* „лентяй“ J (LKŽ) и образец качественного чередования гидр. лит. *Sraigė, Straigė* р. Грк < **sroj-* + суфф. **-g-*

¹⁴ Позже этот обряд был демонизирован, ср. изображения злых духов, пьющих кровь людей из их же черепов (AV VIII, VI 10, 11, 14) (подробнее см. Macdonell 1897, 163).

¹⁵ Ср. замечание Топорова (1990, 21): „<...> в заговорах Ветер или заместитель Громовержца в славянской традиции, реализующий одну из его функций – веять ветрами <...>“.

¹⁶ Диграф *-oa-* можно объяснять двояко: 1) как рефлексии облученного ударения вторичного дифтонга *-ai-* (см. Mažiulis 1970, 13) – секундарный дифтонг *-ai-* представляет собой соединение прусс. *dā-* и суфф. **-iā-* (aor.) (ср. Mažiulis 2004, 82); 2) как графическую передачу прусс. *ō /ā/* [прусс. **dā-* < **dō-* (PEŽ

Mažiulis 2004, 82) [ср. прусс. *dayts* „т.ж.“ II 13₆ [13₂₁] + суфф. *-ti*¹⁷ (о нём см. Skardžius ук.соч. 326 т.д.) (~ прусс. *dāt* „дать“ III 89₁₂ и др. (см. PEŽ I 180)), т.е. можно восстано-вить теонимы: зап.балт. **Bar-dāitis*, **Gar-dāitis*, **Pār-dāitis* *, „тот, который заставляет [воду] бурлить, кипеть, буйствовать“ → *, „тот, который поднимает бурю“ = *, „бог бури“ (подробнее об этимологии этих теонимов см. Kregždys 2008, 79 т.д.), ср. иден-тичную модель композита¹⁸, первый компонент которого выражен субстантивом, а второй – субстантивированной глагольной формой, т.е. лит. *Bang-pūtys* „бог во-дяного пространства; морской ветер“, прусс. *Bangputtis* „бог ветра и волн“ < прусс. **bang-* „волна“ + **pūt-* „(по)дул“ (подробнее о них см. ПЯ I 192 д.; PEŽ I 133) > лит. *pūtis* „дуновение, веяние“ J, *Žem ~ pūtis* „вздох“ Ml (LKŽ).

Весьма важно, что в описании прусс. *Bardoayts* (*Gardoyts*, *Perdoyts*) можно ус-мотреть рефлексы тех самых функций, которые приписывается Стрибогу в древне-русском эпосе *Слово о полку Игореве*, т.е. они оба являются повелителями ветров: *Dieser gott wirdt geehret alleine von denen, die da schiffen Im Mehre oder Sehe. Sie glauben, ein grosser Engel stehe auf dem Mehr. Wo der sich hinkeret, da blest er die Schiffe vmb, das sie mit seinem zorn vntergehen.* (BRMŠ II 134), т.е. „Этого бога прославляют лишь те, которые плавают по морю. Они верят, что он представляет собой большого анге-ла, стоящего в море. В которую сторону он поворачивается, там он опрокидывает ветром¹⁹ [ср. нем. *úmbblasen* „сдувать, опрокидывать (вѣтром)“ (НСР 868)] судна, которые из-за его гнева тонут“ [несколько другое истолкование немецкого текста представлено в BRMŠ II 149, где не акцентируется способ и орудие действия божес-тва – ветер. Это приводит к появлению всякого рода псевдонаучных гипотез, яко-бы само божество является ветром (ср. Narbutas 1998, 30 – подробнее см. Kregždys 2008, 87), хотя и атрибутика, и внешний облик, и иерархическое положение бога, а также место и особенности проведения обрядов в его честь свидетельствуют о со-отнесении образа балтийского повелителя ветров с главным божеством балтийско-го пантеона Перкунасом [= *Parkuns* в *Ятвяжской книжке*] (подробнее см. Kregždys 2008, 98 т.д.) – такая гипотеза подтверждается и соответствующим соотношением Стрибога и Перуна (см. дальше)].

Основываясь на данном лингвистическом и мифологическом материале бал-тийских племён, а также на весьма важной информации *Слова о полку Игореве*, т.е. определении Стрибога как владыки ветров (СПИ 82), необходимо усомниться в истинности гипотез тех исследователей, которые в стиле *pluralis poeticus* отверга-ют подлинность информации наиважнейших источников славянской культуры (и

I 181]) немецкими писцами (подробнее см. Ziesemer 1924, 122), поскольку место сочинения *Ятвяжской книжки* неизвестно (см. Kregždys 2009a, 180 д.).

¹⁷ Присутствие модели *nomen agentis* формирований данного суффикса подтверждается им. сущ. (*nomen agentis*) лит. *jótis* „всадник“ RŽ, Dt, A 1884, 25, Bs, Vd (LKŽ).

¹⁸ Такие композиты весьма часто встречаются в письменных памятниках прусского языка, ср. прусс. *pe-lemaygis* „Rötelweihe“ E 712 < прусс. **pelē-* „мышь“ + **-maigis* < гл. прусс. **meig-* „(у)бить, ударить“ (PEŽ III 249 д.) [~ вост.балт. *praes.* – *praet.* – inf. **meig-* (PEŽ II 46)]; ещё ср. сложные слова типа *tatpuruša*, вторая часть которых морфологически соотносима со структурой второго компонента анализируе-мого теонима: прусс. *wissaseydis* „вторник“ E 19 < прусс. **visa-* „всё“ + *sēdis* „пробывание (сидение)“ < *, „пробывание всех“ < гл. (*praet.*) **sēd-* „сидеть“ (PEŽ IV 110, 251).

¹⁹ Ср. информацию более позднего варианта К (о нём подробнее см. Kregždys 2009_a, 177) рукописного текста *Ятвяжской книжки*: „<...> wo sich der hinkeret, do blest er den **wint** hin von sich wenn er zornig ist <...>“ (BRMŠ II 134), т.е. „в которую сторону он поворачивается, в том направлении, если он гневлив, дует **ветер**“ (ср. BRMŠ II 149).

духовной, в том числе), проповедуя секуляризованный и для исследования славянской религии совсем неприемлемый метод объяснения мифологом через призму социального деления племени (ср. Мартынов ук.соч. 71 [и литературу] – первый такое толкование информации этого источника предложил Аничков, а им последовал Брюкнер (подробнее см. Brückner 1980, 163)). Такой способ решения проблем реконструкции славянской обрядовой и религиозной систем искажает общие черты построения И-Е пантеона: упоминание **СТРИБОЖИ ВНУЦИ** нельзя изъяснять как военную дружину (см. Мартынов т.ж.), поскольку и в балтийской (см. выше), и в индийской мифологической системе бог ветров не является действующим автономно, но всегда в сопровождении верховного бога – Индры RV X 22, 4-5 (МС 118) (ещё см. Macdonell 1897, 56), т.е. по принципу первоочерёдности в иерархическом звене уранистических богов главенствующим божеством является бог грозы (балт. *Перконс*, слав. *Перун*), а лишь потом следует все другие, находящиеся в его подчинении, т.е. бог ветров [наверняка это эпитет того же самого бога грозы, в поздний период приобретшего отдельный облик, культ которого в свою очередь связан с богом неба (см. дальше)], его сыновья – вихри (!!!), ср. генетическую и функциональную связь между уранистическими божествами древнеиндийского пантеона: *Dyauh* „светящееся дневное небо; день“ – он влияет на вегетацию растений [путём дождя], на появление потомства животных [с неба падает жироподобный дождь], на рождение (богов и) людей [путём медового дождя] (подробнее см. МС 201) [в литовской традиции ему соответствует *Auxteias Vissagistis* (< **Visagivastis* „божество, дающее всем и всему жизненную силу“ с абсорбцией корневого -*va-* (подробнее см. Крегждис 2009, 280)), упомянутый в сочинении Я. Ласицкого (о проблематике этимологизации теонимов, упомянутых в этом источнике, см. Kregždys 2010, 51 д.), который в том же источнике именуется и теонимом *Tavvals* „бог наследуемого скарба [т.е. высшее божество, предоставляющее человеку удачу ↑ скарб [и наследственный]: семена растений (для посева и пропитания), животных, потомки (людей)]“ (ещё см. Крегждис 2009, 285 [46 сноску]), который в свою очередь генетически связан с богом солнца *Sūryah*, родившемуся из мёда (RV X 37, 1, 5, 7), и божественным напитком (в последствии и луной) *Sómaḥ* (властелин мира и богов – RV IX 42, 2; 65, 2) – такое соотношение рефлектирует конвергентный процесс солярного и лунарного культов (ср. изменение зооморфного облика *Dyauh*: **бык** (RV I 160, 3; V 36, 5; 58, 6) [символ луны] ↔ **жеребец** (RV X 68, 11) [символ солнца] (см. Крегждис ук.соч 265, 278 д.) –, функции которого в последствии переняло новое главное уранистическое божество грозы, а впоследствии и небесного пространства, *Indraḥ* (лит. *Perkūnas*, сл. *Перун*) [по этой же причине приходится согласиться с утверждением С. Довканта, что лит. *Tavalas* – это эпитет Перуна (см. LM I 149 д.)], повозку которого всегда сопровождает божество ветра и воздуха *Vāyúḥ* (или *Vátaḥ* = лит. *Vėjopatis* „господин ветра“ (см. МС 120; LKŽ)), являющийся как бы связывающим звеном между *Dyauh* и *Indraḥ*, ср. тождественность их функций: предопределяет рождение сына, плодотворность скота и увеличение скарба; в его распоряжении находится дождь (RV VII 40, 6), буря и гроза (RV IV 17, 12; V 83, 4; X 168, 1-2) (подробнее см. МС 118).

Все эти божества соотносимы друг с другом по такому иерархическому звену: I. *Dyauh* ↔ *Sūryah* ↓ *Sómaḥ* (см. Macdonell 1897, 8, 21, 57, 61 д., 126, 128, 169) ↔ II. *Indraḥ* → III. *Vāyúḥ* (или *Vátaḥ*) [взаимосвязь между II и III звеньями мифологи-

ческих образов в плане балтийского материала (т.е. лит. *Bangputỹs* „бог водяного пространства; морской ветер“, прусс. *Bangputtis* „бог ветра и волн“ (подробнее о них см. ПЯ I 192 д.; PEŽ I 133) ↔ лит. *Vėjópatis* „господин ветра“) оговорена Вяч.Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым (1983, 182); в плане индо-иранского – А. Макдонеллом (Macdonell ук.соч. 82, 106, 126, 128)]. Имея в виду вторичность иерархического положения Индры, его в первой очереди сопоставили с *Dyauī*, а его потомков *Marútaḥ* (по другой версии, они являются сыновьями Рудры (см. МС 343) – вихрей, до того занимавших второе иерархическое положение после *Dyauī* (как его потомков – см. МС 201; ещё ср. атрибутику *máрутов* – пот (т.е. вода), жир, мёд, молоко (см. МС 343), тождественную символике *Dyauī* (см. выше)), при религиозной реформе претерпевших деградацию, стали воспринимать как подчинённых Индры (ср. эпитет Индры *Marutpatih* „Повелитель *máрутов*“) (см. Macdonell ук.соч. 57, 60, 110, 126), т.е. они стали восприниматься как **третье колено богов**, т.е. являются **внучата *Dyauī*** и соответственно Индры (!!!). В славянской же традиции, как и в балтийской, ветра тоже находятся в распоряжении главного божества небесного пространства и грома, поэтому их именование [в восточнославянской традиции] **стрибожи внуци** является **не гапаксом**, которое нужно объяснять путём социализации мифологических образов (т.е. изъяснять его как метонимическое наименование вооружённого отряда), как предполагает Мартынов [и другие исследователи] (см. выше), а **И-Е закономерностью**, отражающую построение пантеона индоевропейцев времён племенной общности. Поэтому информация источника восточнославянской письменности *Слово о полку Игореве* должна восприниматься как аутентическая и рефлектирующая мифологические архаизмы балто-славянского периода культурной (а может и племенной) общности [противоположную гипотезу высказал Брюкнер (Brückner 1980, 166)], ср. определение функций Стрибога как божества неба, воздуха, ветра в источнике славянской письменности „Слово Иоанна Златоустого ... како первое погании веровали в идолы и требы им клади...“ (подробнее см. Гальковский 1916, 60; Рыбаков 1981, 454; Фаминцын ук.соч. 41; об источнике подробнее см. ЛРЛД IV (3) 97 т.д., 102, 107).

Выводы:

1) Теоним *Стрибог* рефлектирует композит типа *karmadhāraya* с метатезой морфотактического характера, определённой феноменом табу: ст. русс. *Стри-богъ* ← **Сирть* [анаграммическое распределения основы ⇐ русс. (арх.) *сирть* „водооборотъ, виръ, вырь, пучина, вóдокрут“] + русс. *бог* „творец, создатель, вседержитель“.

2) Возможно, что возникновение морфологической структуры теонима предопределено греческой моделью образования композитов старославянского периода, т.е. она может интерпретироваться как древнегреческая калька имени бога зимних ветров Μαριάκτης Ζεῦς.

3) Имя бога может быть расцениваемо как эпитет верховного божества (возможно, Перуна).

4) Мифологема „бог ветров, бурь“ присуща и для религиозной системы балтийцев: прусский теоним *Bardoayts* (и его варианты *Gardoys*, *Perdoys*) соотносим с образом главного божества балтийского пантеона – богом грозы Перкунасом.

Сокращения

AV – AtharvavedaSamhitā.

Benveniste I–II – Benveniste E. *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*, p. 1–2, Paris, 1969.

BRMŠ I–IV – *Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai*. Sudarė Norbertas Vėlius. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla (t. 1–2), Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas (t. 3–4), 1996–2005.

IEW – Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, I–II, Bern und München, 1959–1969.

Karulis I–II – Karulis K. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca* (s. 1–2), Rīga: Avots, 1992.

LEW – Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch I–II*, Heidelberg: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962–1965.

LKŽ I–XX – *Lietuvių kalbos žodynas*, 1–20. Vilnius, 1956–1999; доступ в интернете: www.lkz.lt.

LKŽK – картотека словаря литовского языка, хранящаяся в Институте литовского языка в Вильнюсе

LM I–III – *Lietuvių mitologija*, 1–3, Vilnius: Mintis, 1995–2003.

LVV I–VIII – *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. Sj. 1–8, Rīgā: Zinātne, 1972–1996.

Mayrhofer I–III – Mayrhofer M. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, 1–3. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1956–1976.

PEŽ I–IV – Mažiulis V. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*, 1–4, Vilnius: Mokslas (t. 1), Mokslo ir enciklopedijų leidykla (t. 2, 3), Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas (t. 4), 1988–1997.

RV – ṚgvedaSamhitā.

SRL – *Scriptores rerum Lusaticarum* II, Lipsiæ et Budiffæ, 1719.

Даль I–IV – Даль В., *Толковый словарь живого великорусского языка*, 1–4, Москва: Русский язык, 1989–1991.

ЛРЛД – *Летописи русской литературы и древности*, издаваемые Николаем Тихонравовым (т. I–V), Москва, 1859–1863.

МС – *Мифологический словарь*, Москва: Советская энциклопедия, 1990.

НРС – *Немецко-русский словарь* (авторы: К. Лейн и др.), Москва: „Русский язык“, 1992.

ПСРЛ I – *Полное собрание русских летописей I. Лаврентьевская летопись*, Москва, 1962.

ПСРЛ II – *Полное собрание русских летописей II. Ипатьевская летопись*, Москва, 1962.

ПЯ I–V – Топоров В. Н. *Прусский язык: Словарь I–V*, Москва: Наука, 1975–1998.

СА – *Словарь античности*, Москва: Прогресс, 1992.

СМ – *Словенска митологија*. Энциклопедијски речник. Ред. С.М. Толстој, Љ. Раденковић, Beograd: Zepther book world, 2001.

СМ₁ – *Славянская мифология*. Энциклопедический словарь, Москва: „Международные отношения“, 2002.

СПИ – *Слово о полку Игореве*, Москва, 1950.

Фасмер (ЭСРЯ) I–IV – М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*, т. 1–4, Москва: Прогресс, 1986–1987.

Брс – Бряслауя (Республика Беларусь)
Варн – Варняй (Тяльшяйский р-он)
Вдк – Видукле (Расейняйский р-он)
Грк – Гиркальнис (Расейняйский р-он)
Грнк – Гринкишкис (Радвилишский р-он)
Дгл – Даугайляй (Утянский р-он)
Дс – Дусятос (Зарасайский р-он)
Жгн – Жайгинис (Расейняйский р-он)
Пн – Паневежис
Пнд – Панделис (Рокишкяйский р-он)
Пнс – Пунскас (Республика Польша)
Рс – Расейняй

Срй – Сейрияй (Лаздинский р-он)

Швнч – Швянчёнис

Шлчн – Шалчининкай

[другие сокращения названий местностей и письменных источников как в LKŽ (см. www.lkz.lt/dzl.php?11)]

inf. – лат. (modus) infinitivus (неопределённое наклонение)

imperat. – лат. (modus) imperativus (повелительное наклонение)

praet. – лат. (tempus) praeteritum (прошедшее время)

гидр.– гидроним

дрв. – деревня

л. – лужа

лг. – луг

оз. – озеро

р. – река

топ. – топоним

Литература

- Beekes R.S.P. (1995), *Comparative Indo-European linguistics*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Co.
- Benveniste E. (1984), *Origines de la formation des noms en indo-européen* (cinquième tirage), Paris.
- Brückner A. (1957), *Stownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa: Wiedza powszechna.
- Brückner A. (1980), *Mitologia słowiańska i polska*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Bußmann H. (2002), *Lexicon der Sprachwissenschaft*, Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.
- Endzelynas J. (1957), *Baltų kalbų garsai ir formos*, Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla.
- Frisk H. (1970), *Griechisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. 2, Heidelberg.
- Gaivenis K., Keinys S. (1990), *Kalbotyros terminų žodynas*, Kaunas: Šviesa.
- Gimbutas V. (1967), *Ancient Slavic Religion: a synopsis. To honor Roman Jakobson*. Essays on the occasion of his seventieth birthday, the Hague – Paris: Mouton; 738–759.

- Grinaveckienė E. (1957), Mituvos upyno tarmės fonetika. *Lietuvių kalbotyros klausimai* I, Vilnius; 119–180.
- Jakobson R. (1959), Marginalia to Vasmer's Russian etymological dictionary (P–Я). *International Journal of Slavic Linguistics and Poetry* I/II; 19–20.
- Karaliūnas S. (1973), Iš lietuvių kalbos įo-kamienių veiksmažodžių istorijos (uo šaknies vokalizmo tipas). *Lietuvių kalbotyros klausimai* XIV, Vilnius; 7–150.
- Kregždys, R. (2005), *The hereditary names of body parts (with ö/ā Stems) in Baltic languages*. A Summary of Doctoral Dissertation, Vilnius: Vilnius University Press; 1–31.
- Kregždys R. (2006), Were the Baltic and Slavic names of the “Filix” fern taboo? *Acta Baltico-Slavica* 30, Warszawa: Slawistyczny ośrodek wydawniczy, 135–143.
- Kregždys R. (2008), Teonimų, minimų „Sūduvių knygelėje“, etimologinė analizė – dievybių funkcijos, hierarchija: *Bardoayts, Gardoayts, Perdoayts. Res humanitariae* IV. Klaipėda; 79–106.
- Kregždys R. (2009), Ide. suff. *-ko- semantinė sklaida baltų kalbose. *Res humanitariae* VI, Klaipėda, 112–132.
- Kregždys R. (2009), *Sūduvių knygelė* – vakarų baltų religijos ir kultūros šaltinis. I dalis: formalioji analizė. *Lituanistica*. T. 55. № 3–4 (79–80), Vilnius; 174–187.
- Kregždys R. (2010), Baltiškųjų teonimų perteikimo ir dievų funkcijų nustatymo problematika Jano Łasickio veikale „De Diis Samagitarvm Cæterorumque Sarmatarum, & falforum Chriftianorum. Item de religione Armeniorum“: *Salaus, Klamals, Atlaibos, Tawals. Perspectives of Baltic Philology*. International conference abstracts, Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu; 51–52.
- Kregždys R. (2010), *Baltų kalbų leksinės semantinės gretybės (paveldėtieji ö/ā kamienu kūno dalių pavadinimai)*. Vilnius: Lietuvos kultūros tyrimų institutas.
- Macdonell A. A. (1897), *Vedic mythology*, Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner.
- Mažiulis V. (1970), *Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai* (Deklinacija), Vilnius: Mintis.
- Mažiulis V. (2004), *Prūsų kalbos istorinė gramatika*, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- Narbutas I. (1998), *Senieji lietuvininkų tikėjimai*, Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla.
- Otrębski J. (1963), Über die Vervollkommnung der Forschungsmethoden in der indoeuropäischen Sprachwissenschaft. *Lingua Posnaniensis* 9, Poznań; 7–28.
- Pirchegger S. (1944), Zum altrussischen Götternamen Stribog. *Zeitschrift für slavische Philologie* 19, Leipzig; 311–316.
- Pisani V. (1950), *Le religioni dei celti e dei balto-slavi nell'Europa precristiana*, Milano: Istituto editoriale Galileo.
- Skardžius P. (1996), *Rinkiniai raštai*, 1; parengė A. Rosinas, Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
- Trautmann R. (1923), *Baltisch-Slavisches Wörterbuch*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Vanagas A. (1981), *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*, Vilnius: Mokslas.
- Wackernagel J., Debrunner A. (1896), *Altindische Grammatik*, Bd. 1 (Lautlehre), Göttingen.
- Wackernagel J., Debrunner A. (1929–1930), *Altindische Grammatik*, Bd. 3(1–2) (Deklination der Nomina. Zahlwörter – Pronomina), Göttingen.

- Wackernagel J., Debrunner A. (1954), *Altindische Grammatik*, Bd. 2(2) (Die Nominalsuffixe), Göttingen.
- Viburytė J. (2007), Lietuvių kalbos žodžio *burna* atitikmenys baltų ir slavų kalbose. *Lituanistica* 53. № 3(71), Vilnius; 57–63.
- Ziesemer W. (1924), *Die ostpreußischen Mundarten*, Königsberg: Ferdinand Hirt in Breslau.
- Zinkevičius Z. (1966), *Lietuvių dialektologija*, Vilnius: Mintis.
- Барроу Т. (1976), *Санскрит*, Москва: Прогресс.
- Вей М. (1958), К этимологии древнерусского „Стрибог“. *Вопросы языкознания* № 3, Москва; 96–99.
- Власова М. (2008), *Энциклопедия русских суеверий*, Санкт-Петербург: Издательский Дом „Азбука-классика“.
- Войтович В. (2002), *Українська міфологія*, Київ: „Либідь“.
- Гальковский Н.М. (1916), *Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси II*, Харьков.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вч. В. (1984), *Индоевропейский язык и индоевропейцы*, 1–2, Тбилиси: Universiteta.
- Елизаренкова Т. Я. (1974), *Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков*, Москва: Наука.
- Елизаренкова Т. Я. (1982), *Грамматика ведийского языка*, Москва: Наука.
- Иванов В.В. (1976), Мотивы восточнославянского язычества и их трансформация в русских иконах. *Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв.*, Москва, 268–287.
- Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. (1965), *Славянские языковые моделирующие семиотические системы*, Москва: Наука.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. (1974), *Исследования в области славянских древностей*, Москва: Наука.
- Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. (1983), К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа. *Балто-славянские исследования 1982*, Москва: Наука; 175–197.
- Крегждис Р. (2009), Прусс. *Curche*: этимология теонима, функции божества; проблематика установления культовых соответствий на почве обрядовой традиции восточно-балтийских, славянских и других индоевропейских народов. *Studia Mythologica Slavica 12*, Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti (Slovenija); Università degli Studi di Udine (Italia); 249–320.
- Мартынов В.В. (1989), Сакральный мир „Слова о полку Игореве“. *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы*, Москва: Наука; 61–78.
- Мейе А. (1914), *Грамматика индо-европейских языков*, Юрьевъ: Типографія К. Маттисена.
- Митрополит Іларіон (1994), *Дохристиянські вірування українського народу*, Київ: АТ „Обереги“.
- Нильссон М. (1998), *Греческая народная религия*, Санкт-Петербург: „Алетейя“.
- Рыбаков Б.А. (1981), *Язычество древних славян*, Москва: Наука.
- Семереньи О. (1980), *Введение в сравнительное языкознание*, Москва.

- Топоров В.Н. (1989), Об иранском элементе в русской духовной культуре. *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы*, Москва: Наука; 23–61.
- Топоров В.Н. (1990), Конные состязания на похоронах. *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*, Москва: Наука; 12–47.
- Трубачев О. Н. (2003), *Этногенез и культура древнейших славян*, Москва: Наука.
- Фаминцын А.С. (1995), *Божества древних славян*, Санкт-Петербург: „Алетейя“.
- Хабургаев Г. А. (1974), *Старославянский язык*, Москва: Просвещение.

Eastern Slavic Gods of Kiev Russia: *Stribog* (comparative analysis of the Slavic and Baltic mythological data)

Rolandas Kregždys

The theonym *Stribog* appertains to Kiev Russia or the so-called Vladimir pantheon. It is mentioned in the most ancient and significant sources of Slavic mythology and religion (Nestor's chronicle transcriptions; epos *Slovo o polku Igoreve*). There are many ways of god's name etymological ascriptions, equally brief nascency theories.

Being based on the linguistic analysis carried out on the deity name, it is possible to assert that it reflects morphotactical metathesis, determined by taboo phenomenon: ORuss. *Стри-богъ* ← [**С-тр-и-* ← **-ьтриС*] ← **Сурть-богъ* [anagramal distribution of the stem with metathesis of the initial *С-* because of the cluster *ТРИС-* ↔ Russ. (archaism) *сурть* “whirlpool, abyss, nix etc.” absence in the Eastern Slavic phonotactical system, i.e. the first component of a karmadhāraya composite reflects component transposition of the radical syllable [a type of morphotactical rearrangements].

The reconstructed compound of karmadhāraya type, datable approximately to the Old Slavonic period, was formed on an image of the Greek composites formation model, i.e. it reflects an ancient Greek loan-translation of the winter winds god name Μαυμάκτης Ζεῦς, that confirms Rybakov's guess about the construction of the theonym as an epithet of the Supreme deity (probably, The Thunderer – *Перунъ*). Such a solution of the problem would fit Procopius' (first half of the 6th century) information about the existence of the main Slavic thunder-storm deity (and the one to whom they worshipped) cult.

Being based on the analysis of the Baltic and Slavic linguistic and mythological equivalents, and also on rather important information of the Eastern Slavic epos *Slovo o polku Igoreve*, i.e. *Stribog's* definition as a lord of winds, mythologeme **стрибожи внуци** “*Stribog's* grandsons” can not be interpreted as “a military team”, as both in Baltic and Indian mythological systems the god of winds does not act on his own, but always in tail with the supreme god – *Índraḥ*, i.e. by the principle of the hierarchical position of the celestial gods a predominating deity place pertains to the thunder-storm god (Balt. *Perkúnas*, *Pērkons*, *Percunis*, Slav. *Перун*), and only then follow all others, taking place in his submission, i.e. the god of winds [for certain it is an epithet of the same thunder-storm god, afterwards got a separate shape whose cult in turn is connected with the god of the sky], his sons – whirlwinds (!!!) etc.